This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

U.C. BERKELEY LIBRARY

P G
3321
B3
Z89

UC-NRLF

B 4 594 488

YD 35343

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

В. Саводникъ.

PRESERVATION COPY ADDED ORIGINAL TO BE RETAINED

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

1800—1900.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ, въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1900.

Digitized by Google

Digitized by Google

В. Саводникъ.

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

1800—1900.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ, въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1900.

Digitized by Google

Дозволено цензурою. Москва, 9-го августа 1900 г.

Digitized by Google

PG 3321
B3Z89

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

1800—1900.

Критическій очеркъ.

19 февраля текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ поэтовъ первой половины XIX вѣка, Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Имя его, какъ представителя такъ-называемой „Пушкинской плеяды“ извѣстно, конечно, всей читающей публикѣ еще со школьной скамьи, но едва ли найдется въ образованной средѣ много лицъ, близко знакомыхъ съ мотивами его поэзіи и съ характеромъ его творчества. „Мы лѣнивы и не любопытны; замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ“, жаловался Пушкинъ въ 1829 году, и относительно Баратынскаго, сдѣлавшагося, вопреки справедливости, жертвой этого „нелюбопытства“ русской публики, упрекъ поэта, несомнѣнно, вполнѣ основателенъ. Въ настоящее время Баратынскій принадлежитъ къ числу тѣхъ полузабытыхъ поэтовъ Пушкинской эпохи, какъ Дельвигъ, Козловъ, Подолинскій и др., извѣстность которыхъ совершенно исчезаетъ въ яркихъ лучахъ славы ихъ геніальнаго современника.

Относительно Баратынскаго это несправедливо уже потому, что будучи поклонникомъ и другомъ Пушкина онъ, какъ авторъ, умѣлъ стать къ нему въ независимое положеніе, не говоря о превосходствѣ его дарованія, безусловно возвышающемъ его надъ названными поэтами. Пушкинъ ставилъ его очень высоко, Бѣлинскій отводилъ ему первое мѣсто среди поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, и, несмотря на все это, Баратынскій находится въ настоящее время почти въ полномъ пренебреженіи. Между тѣмъ произведенія его имѣютъ не только историческое, но и непреходящее художественное значеніе и вполнѣ заслуживаютъ съ нашей стороны болѣе пристальнаго и внимательнаго изученія, такъ же какъ и самая личность

Digitized by Google

C921

этого перваго представителя „міровой скорби“ въ русской литературѣ. Поэтому мы считаемъ долгомъ простой справедливости напомнить русской публикѣ объ этомъ полузабытомъ авторѣ, представляющемъ весьма характерное и своеобразное явленіе въ исторіи нашей поэзіи.

Е. А. Баратынскій родился 19 февраля 1800 года въ имѣніи своего отца, въ Тамбовской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ онъ дома, при чемъ учителемъ его былъ нѣкій итальянскій выходецъ, Боргезе, благодаря которому онъ уже въ дѣтствѣ познакомился съ итальянскимъ языкомъ и литературой. Затѣмъ будущій поэтъ поступилъ для продолженія своего образованія въ Пажескій корпусъ, откуда однако черезъ два года за крупный проступокъ былъ исключенъ, безъ права поступленія на какую бы то ни было службу, кромѣ военной. Проведя нѣсколько лѣтъ въ имѣніи своей матери и дяди, Баратынскій въ 1819 году рѣшился воспользоваться единственнымъ остававшимся ему выходомъ изъ того исключительнаго положенія, въ какое онъ былъ поставленъ, и пріѣхавъ въ Петербургъ, опредѣлился рядовымъ въ гвардейскій Егерскій полкъ. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ кружкомъ литераторовъ, въ составъ котораго входили Жуковскій, Пушкинъ, Плетневъ, баронъ Дельвигъ, и въ особенности сблизился и подружился съ послѣднимъ.

Съ этого же года начали появляться въ печати его стихотворенія, при чемъ первыя его вещи были напечатаны Дельвигомъ даже безъ вѣдома автора. „Хотя новое литературное поприще, на которое вступалъ Баратынскій, улыбалось ему,—говоритъ сынъ поэта въ своей небольшой біографической статьѣ посвященной ему [1]),—однако онъ испыталъ тягостное впечатлѣніе, какъ говорилъ впослѣдствіи, когда увидѣлъ свои стихотворенія и имя свое въ первый разъ напечатанными. Въ то же время въ Петербургѣ Евгеній Абрамовичъ познакомился съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, съ Кюхельбекеромъ ближе чѣмъ съ прочими; но ни онъ, ни Дельвигъ не были посвящены въ тайны существовавшаго уже тогда политическаго общества, хотя Баратынскій въ молодыхъ годахъ, не раздѣляя ихъ цѣли, со всѣмъ увлеченіемъ своихъ лѣтъ сочувствовалъ тому, что̀ заключается великодушнаго въ обширномъ, неопредѣленномъ и гибкомъ смыслѣ слова: *свобода*.“ Въ стихотвореніи „Родина“ поэтъ самъ вспоминаетъ объ этомъ дружескомъ кружкѣ, распавшемся такимъ трагическимъ образомъ:

---

[1]) Матеріалы для біографіи Е. А. Баратынскаго, въ „Собраніи сочиненій“ изд. 1884 г.

Digitized by Google

Я братьевъ зналъ, но сны младые
Соединили насъ на мигъ:
Далече бѣдствуютъ иные,
И въ мірѣ нѣтъ уже другихъ.

Произведенный въ 1820 году въ унтеръ-офицеры, Баратынскій былъ переведенъ на службу въ Финляндію, гдѣ и прожилъ почти пять лѣтъ, сперва въ Кюмени, а затѣмъ въ Гельсингфорсѣ. Суровая, но величественная природа Финляндіи оказала несомнѣнное вліяніе на поэзію Баратынскаго, и его печальная муза нашла въ ней родственныя черты для своихъ вдохновеній. Въ поэмѣ „Эда“ и въ большомъ стихотвореніи „Финляндія“ нашли себѣ художественное отраженіе тѣ впечатлѣнія, которыя вынесъ поэтъ изъ своего знакомства съ сѣвернымъ краемъ, куда противъ своей воли былъ онъ заброшенъ судьбою. Впечатлѣнія эти, конечно, были далеко не веселаго характера, хотя это не мѣшало ему впослѣдствіи съ любовію и благодарностію вспоминать о годахъ юности проведенныхъ въ этой печальной странѣ, гдѣ онъ нашелъ сочувствующихъ ему людей и гдѣ путемъ серьезнаго чтенія ему удалось значительно пополнить пробѣлы своего образованія.

Наконецъ, весной 1825 года Баратынскому, произведенному въ офицеры, открылась возможность выйти въ отставку и покинуть край своего заточенія, чѣмъ онъ и не преминулъ воспользоваться. Поселившись на постоянное жительство въ Москвѣ, Баратынскій въ слѣдующемъ же году женился на Н. Л. Энгельгардтъ, создавшей ему прочное семейное счастіе. Въ Москвѣ онъ возобновилъ свои литературныя связи и завелъ новыя знакомства среди лицъ, такъ или иначе причастныхъ наукѣ и литературѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежали Мицкевичъ, профессоръ Павловъ, извѣстный поэтъ и партизанъ Д. Давыдовъ, другъ Пушкина Соболевскій, Языковъ, Хомяковъ и др. Пушкинъ, Жуковскій и Вяземскій по-прежнему оставались его близкими друзьями. Жизнь его складывалась самымъ прекраснымъ образомъ: семейное счастіе, матеріальная обезпеченность, полная внѣшняя независимость, дружеская привязанность и уваженіе со стороны образованныхъ и симпатичнымъ ему людей—все это создавало для Баратынскаго лучшія условія для спокойнаго, удовлетвореннаго существованія. Между тѣмъ именно къ этому времени относятся многія изъ его наиболѣе мрачныхъ и пессимистическихъ стихотвореній, какъ „Черепъ“, „Послѣдняя смерть“, „Недоносокъ“ и другія, столь же характерныя для творчества Баратынскаго; уже само названіе его послѣдняго сборника, „Сумерки“, указываетъ темный и безотрадный колоритъ его поэзіи. Впослѣдствіи намъ еще придется вернуться къ этому кажущемуся противорѣчію между обстоятель-

Digitized by Google

ствами жизни поэта и его мрачнымъ міросозерцаніемъ, и мы приведемъ тогда нѣкоторыя соображенія могущія послужить къ разрѣшенію этого вопроса.

Осенью 1843 года Баратынскому удалось осуществить свое давнее желаніе познакомиться во-очію съ западно-европейскою жизнію. Посѣтивъ Берлинъ и Дрезденъ, онъ вмѣстѣ съ женой поселился въ Парижѣ, гдѣ и провелъ всю зиму, знакомясь съ французскимъ обществомъ, съ его выдающимися представителями (Гизо, Сентъ-Бёвомъ, Тьерри, Ламартиномъ) и съ политическою и литературною жизнію страны. Его письма изъ-за границы полны интересныхъ замѣчаній указывающихъ на тонкій аналитическій умъ поэта и на сильно развитую въ немъ способность къ наблюдательности. Изъ Парижа Баратынскій отправился весной слѣдующаго года въ Италію, издавна знакомую и дорогую для него по разсказамъ его воспитателя-Италіянца. Но столь благополучно начатое путешествіе завершилось неожиданнымъ трагическимъ концомъ: 29 іюня 1844 года Евгеній Абрамовичъ скоропостижно скончался въ Неаполѣ. Тѣло его въ слѣдующемъ году было привезено въ Россію и погребено въ Петербургѣ, въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Какъ человѣкъ, Баратынскій отличался многими прекрасными качествами: отзывчивостію, вѣрностію въ дружбѣ, мягкостію въ обращеніи и душевною добротой. Въ кругу близкихъ лицъ онъ былъ живымъ, остроумнымъ и увлекательнымъ собесѣдникомъ, имѣвшимъ обо всемъ свое собственное, глубоко продуманное и мѣтко выраженное сужденіе. Художникъ въ душѣ, онъ любилъ красоту и умѣлъ вездѣ находить ее. Эта художественная чуткость заставляла его съ большою строгостію и требовательностію относиться къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, которыя онъ подвергалъ частымъ передѣлкамъ и сокращеніямъ, пока мысль его не находила, наконецъ, такой опредѣленной формы, которою онъ могъ быть вполнѣ доволенъ. Баратынскій много читалъ и прочитанное переработывалъ самостоятельно, наиболѣе высоко цѣня въ себѣ и въ людяхъ духовную независимость. Не принадлежа ни къ какой опредѣленной общественной партіи, онъ искренно сочувствовалъ всякому просвѣщенному и гуманному начинанію. Крѣпостное право и другіе дореформенные порядки подвергались съ его стороны безусловному осужденію. Когда въ 1842 году вышелъ манифестъ объ обязанныхъ крестьянахъ, онъ отъ всей души привѣтствовалъ его какъ первый шагъ къ освобожденію и писалъ въ одномъ частномъ письмѣ: „У меня солнце въ сердцѣ, когда я думаю о будущемъ. Вижу, осязаю возможность исполненія великаго дѣла и скоро, и спокойно“.

Несмотря на свой общепризнанный талантъ, Баратынскій не

Digitized by Google

былъ популяренъ и среди своихъ современниковъ. Разгадка этого явленія заключается на нашъ взглядъ въ томъ, что громадное большинство публики просто не понимало его. Въ немъ видѣли „пѣвца любви и грусти томной“, а то что было въ немъ дѣйствительно оригинальнаго и глубокаго оставалось несознаннымъ и непризнаннымъ. Настроеніе, аналогичное тому, которымъ проникнута была поэзія Баратынскаго, несомнѣнно, существовало и въ русскомъ обществѣ, но только оно искало для себя иныхъ способовъ выраженія, и театральная разочарованность Печорина находила себѣ среди современниковъ Марлинскаго и Кукольника гораздо болѣе сочувствія и отзывчивости, чѣмъ глубоко искренняя, но чуждая всякой изысканности, всякой mise en scène безнадежность Баратынскаго, и поэту оставалось только утѣшаться мыслію что когда-нибудь въ будущемъ, среди потомства, онъ найдетъ себѣ, наконецъ, должную оцѣнку и вѣрное пониманіе. Самъ же онъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ свою поэзію въ стихотвореніи „Муза“:

Не ослѣпленъ я Музою моею:
Красавицей ее не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ уборомъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осужденьемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

„Небрежная похвала“, т.-е. такая, которая основана на первомъ впечатлѣніи, а не на серьезномъ и вдумчивомъ изученіи, до сихъ поръ остается удѣломъ Баратынскаго, и до сихъ поръ мы почти не старались дать себѣ отчета въ той особенности его *Музы*, которую самъ онъ называлъ „ея лица не общимъ выраженьемъ“. Эту духовную самобытность онъ болѣе всего цѣнилъ въ своей поэзіи; этой же самобытности требовалъ и отъ другихъ и обращаясь къ Мицкевичу возставалъ противъ его увлеченія Байрономъ: „Не подражай: своеобразенъ геній и *собственнымъ* величіемъ великъ“. Поэтому, изучая поэзію Баратынскаго, мы въ то же время знакомимся и съ его личностію, проникаемъ во святая-святыхъ его мыслей и чувствъ и такимъ образомъ получаемъ возможность выяснить тѣ психическія особенности поэта, которыя придали его произведеніямъ ихъ своеобразный характеръ.

Digitized by Google

II.

Баратынскій принадлежалъ къ тому поколѣнію которое, родившись на зарѣ XIX вѣка, получило печальную привилегію выставить изъ своей среды цѣлый рядъ выдающихся представителей такъ-называемой „міровой скорби". Достаточно вспомнить, что сверстниками Баратынскаго были такіе поэты, какъ Гейне, Леопарди, Ленау, что съ эпохой его юности совпадала дѣятельность такихъ писателей, какъ Байронъ и Шатобріанъ, композиторовъ какъ Бетховенъ, художниковъ какъ Гойя, философовъ какъ Шопенгауеръ и что младшими братьями ихъ были Мюссе, Барбье, Лермонтовъ,—достаточно вспомнить этотъ рядъ именъ, для того чтобъ опредѣлить до нѣкоторой степени общее настроеніе эпохи. Здѣсь, конечно, не мѣсто касаться вопроса о происхожденіи этого настроенія и о сложныхъ историческихъ, экономическихъ и психологическихъ условіяхъ, способствовавшихъ его возникновенію и развитію. Достаточно сказать, что это теченіе идей можетъ быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи общаго движенія *романтизма*, съ его недовольствомъ дѣйствительностію, съ его неясными порывами, съ его идеализаціей прошлаго, съ его противопоставленіемъ разсудочности *отцовъ*, вольтерьянцевъ и энциклопедистовъ XVIII вѣка, живой непосредственности чувства, защитникомъ правъ котораго выступалъ еще Руссо.

Связь Баратынскаго съ этимъ теченіемъ мысли несомнѣнна, хотя, быть-можетъ, для него самого она оставалась несознанною. Нельзя сказать чтобы кто-нибудь изъ поэтовъ этого направленія оказалъ на него исключительное вліяніе и опредѣлилъ характеръ его поэзіи, такъ какъ мы знаемъ, что Баратынскій всегда старательно оберегалъ свою оригинальность. Но его связывала съ представителями этого теченія мысли общность *настроенія*, обусловившая возможность возникновенія аналогическихъ чувствъ и мыслей. Поэтому двойная задача нашей статьи будетъ заключаться въ томъ, чтобы выяснить значеніе поэзіи Баратынскаго, съ одной стороны изъ особенностей его психическаго склада, а съ другой—изъ общаго настроенія эпохи и опредѣлить ея дѣйствительный характеръ изъ совокупнаго дѣйствія этихъ двухъ факторовъ.

Пушкинъ въ своей статьѣ о Баратынскомъ, написанной въ 1831 году, говоритъ о немъ: „Баратынскій принадлежитъ къ числу отличныхъ нашихъ поэтовъ. Онъ оригиналенъ, ибо мыслитъ. Онъ былъ бы оригиналенъ и вездѣ, ибо мыслитъ по-своему, правильно и независимо, между тѣмъ какъ чувствуетъ сильно и глубоко".

Здѣсь, въ этомъ мимоходомъ брошенномъ замѣчаніи, Пушкинъ съ удивительною проницательностію указалъ на самую характерную

Digitized by Google

и наиболѣе важную черту Баратынскаго, дающую, на нашъ взглядъ, ключъ къ пониманію его личности и его поэзіи. Баратынскій—*поэтъ мысли*. Это не значитъ чтобъ онъ въ своихъ произведеніяхъ излагалъ какую-либо отвлеченную философскую систему, или чтобъ онъ задавался какими-либо дидактическими цѣлями. Опредѣляя Баратынскаго какъ поэта мысли, мы хотѣли только указать на характеръ его творчества зависящій отъ его психической организаціи, и на преобладаніе въ его произведеніяхъ идейнаго элемента надъ элементомъ непосредственнаго эстетическаго воздѣйствія. Изъ этого, однакоже, не должно выводить заключенія о недостаткѣ образности въ поэзіи Баратынскаго; все дѣло заключается въ томъ, что въ ней художественные образы получаютъ иной смыслъ и значеніе, чѣмъ у поэтовъ другаго склада ума. У поэтовъ подобныхъ ему характерно то, что для нихъ художественный образъ представляетъ собой не средство *внушенія* (suggestion) какого-нибудь чувственнаго отзвука, какого-нибудь настроенія, а символъ, представляющій въ наглядной формѣ нѣкоторый процессъ отвлеченной мысли и служащій точкой отправленія для возбужденія аналогическаго процеса въ умѣ читателя; такимъ образомъ *пассивное* воспріятіе, служащее основой эстетическаго наслажденія, соединяется здѣсь съ извѣстнымъ проявленіемъ психической *активности*, что въ значительной степени измѣняетъ смыслъ и характеръ художественнаго образа.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы еще вернемся къ разсмотрѣнію этой особенности поэтическаго творчества Баратынскаго; теперь же считаемъ необходимымъ познакомиться ближе съ *содержаніемъ* его мысли, съ его общимъ міровоззрѣніемъ, поскольку оно нашло себѣ выраженіе въ его поэзіи. Прежде всего мы остановимся на отношеніи Баратынскаго къ природѣ, которая для всякаго лирическаго поэта служила всегда богатымъ источникомъ вдохновенія. Баратынскій также нерѣдко черпалъ изъ этого источника (*Деревня*, *Финляндія*, *Запустѣніе*, *Осень* и др.), и цѣлый рядъ прекрасныхъ стихотвореній свидѣтельствуетъ о тонко развитомъ чувствѣ природы и о большой воспріимчивости къ ея красотѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно общему характеру поэзіи Баратынскаго, картины природы возбуждаютъ въ немъ не только извѣстный рядъ чувствъ и настроеній, но также служатъ исходною точкой для нѣкоторой цѣпи мыслей, связанныхъ съ опредѣленнымъ настроеніемъ. Къ числу обычныхъ и весьма характерныхъ для Баратынскаго мыслей, сложившихся подъ вліяніемъ впечатлѣній вынесенныхъ изъ созерцанія внѣшняго міра, принадлежитъ мысль о „равнодушіи“ природы къ человѣку, объ ея безучастности или даже враждебности къ его судьбѣ („Буря“). Въ сравненіи съ ея вѣчнымъ круговоротомъ мимолетное

Digitized by Google

существованіе человѣка является жалкимъ и ничтожнымъ, а его борьба противъ ея стихійной мощи—безполезнымъ упрямствомъ пигмея, осужденнаго на неизбѣжную гибель. Это торжество слѣпыхъ силъ природы надъ разумною жизнію человѣческой души, этотъ исконный разладъ между нашими чувствами, мечтами, надеждами и роковою необходимостію стихійныхъ процесовъ постоянно доставлялъ Баратынскому пищу для безотрадныхъ размышленій. Безсознательная жизнь природы представлялась ему исполненною красоты, мощи и гармоніи, стройность которой нарушается только диссонансомъ внесеннымъ въ нее страждущею и вѣчно жаждущею счастія душою человѣка, съ ея вѣчною смѣной страстей и желаній.

Сознаніе, *мысль*—вотъ основной элементъ этого роковаго разлада, источникъ всѣхъ страданій неудовлетворенности, причина, почему „душа не то поетъ, что̀ море и ропщетъ мыслящій тростникъ“ (Тютчевъ). Сознаніе—излишняя роскошь на яркомъ пиру безсознательныхъ силъ природы. Оно заставляетъ человѣка чувствовать свое безсиліе, заставляетъ его убѣждаться, что и надъ нимъ тяготѣетъ незыблемый законъ, что и онъ „рабъ самовластнаго рока“ и что жизнь его—„случайная жизнь“—заставляетъ его страдать „медленною отравой бытія“ и „смерти отрадной страшиться“ *(Дельвигу)*. Вовлеченный въ круговоротъ жизни, человѣкъ тщетно обманываетъ себя призракомъ свободы: надъ нимъ такъ же, какъ и надъ неодушевленною природой властвуетъ та же роковая необходимость—невѣдомый фатумъ, разрушающій всѣ наши мечтательныя иллюзіи. Поэтому единственное что̀ остается человѣку, это—покориться неизбѣжному, примириться съ судьбою въ сознаніи своего полнаго безсилія, и такимъ образомъ достигнуть, если не счастія, то по крайней мѣрѣ покоя.

Къ чему невольнику мечтанія свободы?
Взгляни: безропотно текутъ рѣчныя воды
Въ указанныхъ брегахъ, по склону ихъ русла;
Ель величавая стоитъ гдѣ возросла,
Не властная сойти. Небесныя свѣтила
Назначеннымъ путемъ невѣдомая сила
Влечетъ. Бродячій вѣтръ неволенъ и законъ
Его летучему дыханью положенъ.
Удѣлу своему и мы покорны будемъ:
Мятежныя мечты смиримъ иль позабудемъ;
Рабы послушные, покорно согласимъ
Свои желанія со жребіемъ своимъ,
И будетъ счастлива, *спокойна* наша доля.

Итакъ, безсиліе человѣка передъ стихійною мощью природы и мимолетность его существованія въ сравненіи съ ея вѣчнымъ обновленіемъ—вотъ одинъ изъ излюбленныхъ мотивовъ поэзіи Баратын-

Digitized by Google

скаго. Человѣкъ проходитъ по лицу земли не оставляя по себѣ прочныхъ слѣдовъ; точно такъ же пройдетъ со временемъ и все человѣчество („Послѣдняя смерть"),—и оно также осуждено на уничтоженіе, какъ и отдѣльная личность. Мысль о бренности всего земнаго и о ничтожности человѣческаго существованія, конечно, не представляетъ ничего новаго: она повторялась и разнообразилась безъ конца со временъ царя Соломона; но то, что̀ въ устахъ другого поэта являлось бы довольно пошлымъ труизмомъ, пріобрѣтаетъ у Баратынскаго значеніе необходимаго звена въ общей системѣ его пессимистическаго міросозерцанія. Уже въ стихотвореніи „Финляндія", написанномъ въ 1820 году, поэтъ, вспоминая о далекомъ прошломъ этого края, о походахъ сѣверныхъ богатырей, о скальдахъ воспѣвавшихъ ихъ подвиги и не находя нигдѣ вокругъ себя слѣдовъ этого бурнаго прошлаго, съ горечью восклицаетъ:

Что̀ жь наши подвиги, что̀ слава нашихъ дней,
Что̀ наше вѣтреное племя?
О, все своей чредой исчезнетъ въ безднѣ лѣтъ!
Для всѣхъ одинъ законъ, законъ уничтоженья,
Во всемъ мнѣ слышится таинственный привѣтъ
Обѣтованнаго забвенья!

Стихотвореніе это принадлежитъ къ числу раннихъ произведеній Баратынскаго и относится къ той эпохѣ, когда самъ онъ еще находился подъ вліяніемъ того условнаго эпикуреизма, который въ то время получилъ въ нашей поэзіи право гражданства на ряду съ туманными элегіями и которому заплатилъ обильную дань самъ Пушкинъ въ своихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ. Поэтому Баратынскій не проводитъ до конца затронутой имъ мысли, а остановясь на полдорогѣ находитъ удобное примиреніе въ признаніи, что счастіе, хотя бы и мимолетное, всегда доступно для того, кто умѣетъ имъ пользоваться:

Мгновенье мнѣ принадлежитъ,
Какъ я принадлежу мгновенью.

Ту же мысль находимъ мы и въ одномъ изъ посланій къ Дельвигу. Вспоминая о своей петербургской жизни, о „звонѣ чашъ", о „Лилетѣ", поэтъ приходитъ къ мысли, что только тотъ истинно счастливъ кто—

...въ мирѣ жилъ съ самимъ собою,
Кто безъ унынія глубоко жизнь постигъ
И, равнодушіемъ богатый,
За царство не отдастъ покоя сладкій мигъ
И наслажденья мигъ крылатый!

Digitized by Google

Итакъ, должно „ловить минуту наслажденья“. Такова эпикурейская философія молодого Баратынскаго, дававшая современникамъ поэта возможность называть его „наслѣдникомъ Парни“. Однако, эта черта не должна вводить насъ въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго характера поэзіи Баратынскаго. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одною изъ тѣхъ поэтическихъ условностей, которыя существуютъ для каждой эпохи, измѣняясь соотвѣтственно общему направленію вкуса.

Въ эпоху юности Баратынскаго въ ходу была именно проповѣдь эпикурейства, составлявшая, вмѣстѣ съ античными подражаніями, необходимую приправу тогдашней поэзіи и мирно уживавшаяся съ „томными“ элегіями и альбомнымъ остроуміемъ. Баратынскій не писалъ элегій: ему какъ будто совѣстно было влагать свои завѣтныя думы въ эту истасканную и опошленную бездарными поэтами форму, онъ даже издѣвался надъ современными ему элегиками и въ ихъ виршахъ видѣлъ только „задумчивыя враки“, — за то онъ заплатилъ обильную дань вкусу времени въ своихъ альбомныхъ стихахъ, соперничающихъ съ пушкинскими по своему остроумію и блестящей отдѣлкѣ и въ воспѣваніи „сладкихъ законовъ любви и наслажденья“. Но не по этимъ случайнымъ стихотвореніямъ должны мы опредѣлять настоящую физіономію поэта: они — только маска скрывающая грустную улыбку на его лицѣ.

Но если наслажденіе мимолетно и непрочно, то быть - можетъ для человѣка достижимо по крайней мѣрѣ спокойствіе, которое въ такомъ случаѣ и явится реальнымъ благомъ, вѣрнымъ убѣжищемъ отъ бѣдствій жизни. Въ приведенныхъ стихахъ поэтъ дѣйствительно говоритъ про „покоя сладкій мигъ“; къ этой же мысли возвращается онъ и въ стихотвореніи: „Двѣ доли“.

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль *безнадежность и покой!*

Изъ этихъ двухъ жребіевъ поэтъ отдаетъ предпочтеніе послѣднему. Предоставивъ юности увлекаться иллюзіями и лелѣять „замыслы блестящіе и сердца пламенные сны“, онъ обращается къ людямъ, искушеннымъ житейскимъ опытомъ:

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть!

Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,

Digitized by Google

И *берегите кладъ спасительный*
Своей бездѣйственной души,

Своимъ безчувствіемъ блаженные;
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ,

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой старыхъ ранъ.

Такимъ образомъ, въ глазахъ Баратынскаго спокойствіе есть единственно возможный суррогатъ счастія. Въ болѣе шутливомъ тонѣ онъ повторяетъ эту же мысль и въ стихотвореніи: „Безнадежность".

Желанье счастія въ меня вдохнули боги:
Я требовалъ его отъ неба и земли,
И вслѣдъ за призракомъ манящимъ издали
Жизнь перешелъ до полъ-дороги;
Но прихотямъ судьбы я болѣ не служу.
Счастливый отдыхомъ, на счастіе похожимъ,
Отнынѣ съ рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожимъ.

Однако, возможно ли и прочно ли такое успокоеніе? Сообразно ли съ природой человѣка, какъ существа чувствующаго и мыслящаго, отказаться отъ всѣхъ надеждъ и желаній и погрузиться въ такое состояніе, которое равнозначительно полной безнадежности? Самъ Баратынскій, конечно, не могъ остановиться на высказанной имъ мысли. Тамъ гдѣ нѣтъ никакихъ проявленій душевной жизни, нѣтъ чувствъ, мыслей, желаній, тамъ уже нѣтъ и настоящей жизни. Мы можемъ стремиться къ этому покою и, преслѣдуемые страданіями жизни, страстно желать его, но пока мы живы для насъ возможенъ только первый жребій: „надежда и волненіе", а блаженное спокойствіе останется такою же иллюзіей, какъ и счастіе.

Намъ надобны и страсти, и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища:
Не подчинишь однимъ законамъ ты
И свѣта шумъ, и тишину кладбища.

Поэтому до тѣхъ поръ пока человѣчество будетъ живо, оно попрежнему будетъ питаться мечтами и иллюзіями, потому что безъ нихъ жизнь стала бы невозможною и нелѣпою, и лишить человѣчество способности увлекаться этими иллюзіями значило бы уничтожить въ корнѣ самую возможность его разумнаго существованія.

Digitized by Google

III.

Пессимизмъ, какъ опредѣленное міровоззрѣніе, соотвѣтственно своему происхожденію, имѣетъ различный характеръ и различное значеніе. Источники его весьма разнообразны. Мрачный, отрицательный взглядъ на жизнь можетъ сложиться подъ вліяніемъ личныхъ неудачъ, измѣны въ любви, потери состоянія и т. д.; онъ можетъ происходить даже просто отъ несваренія желудка, хотя въ послѣднемъ случаѣ было бы справедливѣй назвать такое міросозерцаніе ипохондрическимъ. Однако, только тотъ пессимизмъ имѣетъ дѣйствительное право на вниманіе съ нашей стороны, который является результатомъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ", а не слѣдствіемъ разстройства физіологическихъ функцій. Такой пессимизмъ, хотя и основанъ на личномъ опытѣ, предполагаетъ въ человѣкѣ способность критически отнестись къ дѣйствительности, способность отличить то, что̀ есть отъ того, что̀ можетъ и что̀ должно быть. Въ основѣ отрицательнаго взгляда на жизнь будетъ лежать тогда нѣкоторый отвлеченный принципъ, нѣкоторый идеалистическій критерій. Безъ такого критерія не можетъ быть никакого серьезнаго пессимистическаго міросозерцанія, а будетъ только, по выраженію Баратынскаго, одно „жизнехуленіе", основанное на личныхъ неудачахъ и огорченіяхъ и ничѣмъ существенно не отличающееся отъ дурнаго расположенія духа, явившагося слѣдствіемъ непереваренного обѣда.

Несомнѣнно что пессимизмъ Баратынскаго носитъ именно такую идеалистическую окраску. Отъ его проницательнаго взгляда не могли укрыться роковыя противорѣчія дѣйствительности, несоотвѣтствіе ея съ извѣстными требованіями и запросами ума и сердца. То, что̀ онъ видѣлъ вокругъ себя, конечно, часто должно было оскорблять его чувство, и онъ, какъ идеалистъ, т. е. какъ человѣкъ предъявляющій къ дѣйствительности нѣкоторыя идеальныя требованія, не могъ не страдать, видя какъ мало жизнь соотвѣтствуетъ его благороднѣйшимъ мечтамъ и вѣрованіямъ. Поэтому наблюденія, вынесенныя имъ изъ столкновеній съ дѣйствительностію, являлись для него источникомъ постояннаго страданія („Отрывокъ"), какъ для Гамлета и Вертера.

Что̀ свѣтъ являетъ? Пиръ нестройный!
Презрѣнный властвуетъ, достойный
Поникъ гонимой головой,
Несчастливъ добрый, счастливъ злой.

Но такое же роковое несоотвѣтствіе, которое существуетъ во внѣшнемъ мірѣ между идеаломъ и дѣйствительностію, господствуетъ

Digitized by Google

и въ душѣ человѣка: оно состоитъ въ мучительномъ разладѣ между высокими благородными порывами духа съ одной стороны и грубыми эгоистическими инстинктами и похотями животной природы человѣка—съ другой. Погруженный въ мелочи вседневной жизни, человѣкъ однакоже чувствуетъ въ себѣ неугасимое стремленіе возвыситься надъ этой жизнію, возвыситься надъ самимъ собою; онъ сознаетъ себя принадлежащимъ къ какому-то иному, лучшему міру, къ міру вѣчной гармоніи, добра и красоты, и въ то же время не находитъ въ себѣ силы подняться къ этому недостижимому идеалу внутренняго совершенства. Отсюда состояніе мучительной неудовлетворенности, доходящей до сомнѣнія въ реальности этихъ высшихъ идеальныхъ нормъ и критеріевъ, до полнаго отчаянія или тупого равнодушія, состояніе, изображенное Баратынскимъ въ стихотвореніи „Недоносокъ“:

Я изъ племени духовъ,
Но не житель эмпирея,
И едва до облаковъ
Возлетѣвъ, паду слабѣя.
Какъ мнѣ быть? Я малъ и плохъ;
Знаю: рай за ихъ волнами,—
И ношусь, крылатый вздохъ,
Межъ землей и небесами
. . . . . .
. . . . . .
Изнывающій тоской
Я мечусь въ поляхъ небесныхъ,
Надо мной и подо мной
Безпредѣльныхъ—скорби тѣсныхъ!
Въ тучу кроюсь я, и въ ней
Мчуся чуждъ земного края,
Страшный гласъ людскихъ скорбей
Гласомъ бури заглушая.
Миръ я вижу какъ во мглѣ;
Арфъ небесныхъ отголосокъ
Слабо слышу... На землѣ
Оживилъ я недоносокъ.
Отбылъ онъ безъ бытія:
Роковая скоротечность!
Въ тягость роскошь мнѣ твоя,
Въ тягость твой просторъ, о, вѣчность!

Такимъ образомъ человѣкъ въ себѣ самомъ носитъ неизсякаемый источникъ страданія, болѣе мучительнаго, чѣмъ всѣ внѣшнія бѣдствія. Внутренній разладъ тяготѣетъ надъ нимъ какъ роковое проклятіе. На-половину духъ, на-половину звѣрь или животное, онъ—нравственный „недоносокъ“, духъ, остановившійся въ своемъ развитіи. Въ силу

Digitized by Google

этого раздвоенія примиреніе съ самимъ собою такъ же недоступно ему, какъ счастіе и спокойствіе. Жизнь становится такимъ образомъ цѣпью нескончаемыхъ страданій, безъ всякаго проблеска надежды... И только одна смерть можетъ принести страждущему человѣку желанное успокоеніе. Смерть—великая избавительница ото всѣхъ золъ жизни, посланница небесъ, „святая дѣва", съ пальмовою вѣтвію въ рукѣ, верховная представительница справедливости на землѣ; безъ нея жизнь превратилась бы въ нестройный хаосъ, а человѣческое страданіе лишилось бы своей послѣдней надежды на избавленіе. Поэтому смерть есть добрый геній вселенной, „ангелъ мира", а не порожденіе зла и тьмы, и къ ней, какъ посланницѣ небесъ, обращается поэтъ съ восторженнымъ гимномъ:

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей даруя,
Не ополчу ее косой.
О, дочь верховнаго Эфира!
О, свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнулъ міръ цвѣтущій
Изъ равновѣсья дикихъ силъ,
Въ твое храненье Всемогущій
Его устройство поручилъ.

И ты летаешь надъ твореньемъ,
Забвенье бѣдъ вездѣ лія
И въ немъ прохладнымъ дуновеньемъ
Смиряя буйство бытія.

. . . . . .
. . . . . .

А человѣкъ! Святая дѣва!
Передъ тобой съ его ланитъ
Мгновенно сходятъ пятна гнѣва,
Жаръ любострастія бѣжитъ.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба;
Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоумѣнье, принужденье—
Условье смутныхъ нашихъ дней;
Ты всѣхъ загадокъ разрѣшенье,
Ты разрѣшенье всѣхъ цѣпей.

Но и прославляя смерть, какъ благодѣтельницу рода человѣческаго, поэтъ все-таки не можетъ вполнѣ примириться съ мыслію объ

Digitized by Google

ея неизбѣжности. Въ этомъ, конечно, есть логическая непослѣдовательность, но эта непослѣдовательность находитъ себѣ достаточное объясненіе во всесильномъ инстинктѣ жизни, торжествующемъ надо всякимъ сознаніемъ ея несовершенствъ, бѣдствій и противорѣчій. Несмотря на всю свою неудовлетворенность жизнію, человѣкъ никакъ не можетъ свыкнуться съ перспективой полнаго уничтоженія. Поэтому на ряду съ приведеннымъ выше гимномъ смерти у Баратынскаго встрѣчаются мѣста совершенно противоположнаго характера, въ которыхъ смерть рисуется далеко не идиллическими чертами. Она уже не „свѣтлый ангелъ", ни даже блаженная Нирвана, а злобная и безпощадная сила, роковая несправедливость тяготѣющая надо всѣмъ живущимъ. Поэтъ, видѣвшій въ ней ранѣе „всѣхъ загадокъ разрѣшенье", въ ужасѣ спрашиваетъ себя теперь:

Ужели творческая сила
Лукавымъ свѣтомъ бытія
Мнѣ ужасъ гроба озарила—
И только?

„Нѣтъ, не вѣрю я!" рѣшаетъ онъ. Но очевидно сомнѣніе слишкомъ глубоко запало въ его душу, и онъ только напрасно старается успокоить себя надеждой на трансцендентальную справедливость, на законъ возмездія. Смерть представляется ему въ видѣ полнаго уничтоженія и въ качествѣ таковой является чѣмъ-то безусловно несправедливымъ, неоправданнымъ и непонятнымъ,—смерть единичной личности, такъ же какъ и исчезновеніе всего человѣчества въ его цѣломъ. Что такая судьба дѣйствительно рано или поздно предстоитъ человѣчеству, въ этомъ предположеніи, конечно, нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго. Но весьма характерно для Баратынскаго, *какъ* онъ представлялъ себѣ этотъ конецъ рода человѣческаго. Обыкновенно его ставятъ въ зависимость отъ опредѣленныхъ физическихъ или космическихъ процессовъ; Баратынскій же ищетъ объясненіе этого предполагаемаго исхода не въ воздѣйствіи внѣшнихъ, міровыхъ законовъ, а въ причинахъ внутренняго порядка, и думаетъ что подъ вліяніемъ этихъ *внутреннихъ* причинъ вырожденіе человѣчества начнется гораздо раньше чѣмъ обнаружатъ свое дѣйствіе нѣкоторыя физическія условія, неблагопріятныя для продолженія жизненныхъ процессовъ на землѣ. Свои взгляды на этотъ вопросъ Баратынскій изложилъ въ стихотвореніи „Послѣдняя смерть". Поэту рисуется три послѣдовательныхъ фазиса въ исторіи далекаго будущаго человѣчества: сперва пышное развитіе всѣхъ даровъ человѣческаго духа, торжество мысли надъ стихійными силами природы, „разума великолѣпный пиръ", внѣшнее благосостояніе, спокойствіе и безопасность;

Digitized by Google

затѣмъ, когда стихіи побѣждены окончательно и человѣческій бытъ устроенъ и упроченъ, наступаетъ эпоха упадка внутренней энергіи, не силы духа, а силы воли, потому что послѣдняя питается только борьбой и сопротивленіемъ. Духъ же, разумъ продолжаетъ развиваться и совершенствоваться, но это развитіе происходитъ какъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ, въ мірѣ чистыхъ абстракцій, въ мірѣ фантазіи, такъ какъ съ ослабленіемъ воли рушилась прежняя связь съ реальнымъ міромъ, съ земною дѣйствительностію.

Желанія земныя позабывъ,
Чуждаяся ихъ грубаго влеченья,
Душевныхъ сновъ, высокихъ сновъ порывъ
Имъ замѣнилъ другія побужденья,
И въ полное владѣніе свое
Фантазія взяла ихъ бытіе.

Въ третьемъ и послѣднемъ періодѣ это пониженіе жизненной энергіи изображено уже въ его конечныхъ результатахъ: человѣчество дряхлѣетъ физически и нравственно, семейства исчезаютъ, браки остаются безплодными, и родъ людской вымираетъ, не будучи въ силахъ нести бремя земного существованія. Разумъ по-прежнему торжествуетъ все новыя побѣды: „Ихъ въ Эмпирей и въ Хаосъ уносила живая мысль на крыліяхъ своихъ“, но въ людяхъ уже нѣтъ той стихійной силы, которая поддерживала ихъ земное бытіе. Ихъ „воля къ жизни“ сполна превратилась въ „представленіе“, центръ тяжести перешелъ въ міръ отвлеченныхъ построеній, а земная жизнь съ ея безсознательными, ирраціональными инстинктами должна исчезнуть, потому что изсякъ источникъ жизненной силы, питавшій ее: смерть торжествуетъ свою конечную побѣду...

Прошли вѣка, и тутъ моимъ очамъ
Открылася ужасная картина:
Ходила смерть по сушѣ, по водамъ,
Свершалася живущаго судьбина.
Гдѣ люди? гдѣ? Скрывались во гробахъ!
Какъ древніе столпы на рубежахъ,
Послѣднія семейства истлѣвали;
Въ развалинахъ стояли города,
По пажитямъ заглохнувшимъ блуждали
Безъ пастыря безумныя стада;
Съ людьми для нихъ исчезло пропитанье:
Мнѣ слышалось ихъ гладное блеянье.

И тишина глубокая вослѣдъ
Торжественно повсюду воцарилась,
И въ дикую порфиру древнихъ лѣтъ
Державная природа облачилась.

Digitized by Google

Величественъ и грустенъ былъ просторъ
Пустынныхъ водъ, лѣсовъ, долинъ и горъ.
По-прежнему животворя природу,
На небосклонъ свѣтило дня взошло;
Но на землѣ ничто его восходу
Произнести привѣта не могло:
Одинъ туманъ надъ ней синѣя вился
И жертвой очистительной дымился.

Итакъ человѣчество должно исчезнуть, даже прежде, чѣмъ космическіе процессы—охлажденіе земли, потуханіе солнца—сдѣлаютъ невозможною никакую жизнь на земномъ шарѣ, должно умереть отъ истощенія жизненыхъ силъ. А „державная“ природа по-прежнему будетъ цвѣсти, по-прежнему будутъ совершаться ея стихійные процессы. Она, безсознательная, восторжествуетъ надъ безсильнымъ сознаніемъ человѣка, сознаніемъ, являющимся излишнею роскошью въ строгой экономіи природныхъ силъ и лишающимъ человѣка необходимой устойчивости въ стихійномъ круговоротѣ жизни.

Таковы послѣдніе безотрадные выводы, къ которымъ приходитъ Баратынскій въ своихъ взглядахъ на жизнь и на судьбу человѣчества, какъ цѣлаго, заключительный акордъ его мрачной поэзіи являющейся выразительницей всего его глубоко-пессимистическаго міросозерцанія. Здѣсь мы встрѣчаемся со всѣми характерными чертами „міровой скорби“: жизнь—зло, потому что она мимолетна и полна страданій, наслажденіе обманчиво, а счастіе невозможно; спокойствіе, которое могло бы замѣнить намъ отсутствіе счастія, недостижимо для чувствующаго сердца, а перспектива конечнаго уничтоженія лишаетъ наше существованіе всякаго смысла и значенія. Вотъ окончательные итоги печальныхъ размышленій поэта.

Если Лермонтову жизнь могла казаться „пустою и глупою шуткой“, достойною одного презрѣнія, то въ глазахъ Баратынскаго она является тяжелою трагедіей, полною страданія и ужаса. Оттого такъ безотрадно-мрачны его лирическія „думы“, оттого и на его поэмахъ лежитъ суровый трагическій колоритъ, несмотря на то что дѣйствіе въ нихъ сведено до полной простоты и совершенно лишено той романтической обстановки которую, напр., такъ любилъ Лермонтовъ. Баратынскій не побоялся взять героиней своей первой поэмы „чухонку“ *(Эда)* и разсказать въ простыхъ, безыскусственныхъ словахъ исторію ея несчастной любви къ русскому офицеру, обольстившему ее и покинувшему когда наступила минута пресыщенія и скуки. Вообще, изображая любовь, Баратынскій беретъ ее преимущественно съ ея трагической стороны, какъ „поединокъ роковой“; она является для него въ видѣ „борьбы неравной двухъ сердецъ“, изъ которыхъ

Digitized by Google

одно неминуемо должно погибнуть. Этотъ роковой смертельный исходъ изображенъ и въ *Эдѣ*, и въ *Цыганкѣ*, и въ *Балѣ*. Любовь является здѣсь въ качествѣ непреодолимой стихійной силы, противъ которой человѣку невозможно бороться. Тотъ кто подпалъ ея власти, для кого она стала рокомъ, судьбою, тотъ долженъ быть готовъ на всякое страданіе.

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую,
Но все жь отраву пьемъ мы въ ней,
И платимъ мы за радость краткую
Ей безвесельемъ долгихъ дней.
Огонь любви—огонь живительный,
Всѣ говорятъ; но что̀ мы зримъ?
Опустошаетъ, разрушительный,
Онъ душу объятую имъ!

Этотъ мрачный взглядъ Баратынскаго на любовь, какъ на губительную силу стихійнаго характера, вполнѣ согласуется съ общимъ строемъ его міросозерцанія и вноситъ въ него необходимую дополнительную черту, безъ которой оно было бы лишено законченности. Баратынскій вездѣ вѣренъ себѣ и послѣдователенъ въ своихъ выводахъ, потому что его скорбь не есть нѣчто надуманное, извнѣ заимствованное, скоропреходящее, а связана органически съ его личностію, и источники ея скрываются въ глубочайшихъ тайникахъ его души. Но искренній въ отношеніи къ самому себѣ, онъ требовалъ такой же искренности и въ другихъ. Поэтому тамъ гдѣ онъ встрѣчалъ неискреннее, жеманное нытье, модную разочарованность и стремленіе красиво драпироваться плащемъ байронической скорби, сквозь прорѣхи котораго ясно виднѣлась собственная самодовольная ограниченность, онъ отворачивался съ негодованіемъ и клеймилъ словомъ презрѣнія эту фальшивую грусть, не могущую ни въ комъ возбудить къ себѣ участія. „Ваша Муза площадная“, говоритъ онъ этимъ подражателямъ:

Тоской заемною мечтая
Родить участіе въ сердцахъ,
Подобна нищей развращенной,
Молящей лепты незаконной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ.

Это было время мечтательныхъ элегій: со всѣхъ сторонъ раздавались стихотворные вздохи, поэты, казалось, исходили слезами. Баратынскій боялся что и его, глубоко-искренняго, близорукіе критики могутъ поставить въ одинъ рядъ съ этими жеманными вздыхателями. Поэтому въ „Посланіи къ Богдановичу“ онъ бичуетъ ѣдкою ироніей приторную сентиментальность поэтовъ унынія и „жизнехуленія“, а чтобы отграничить себя отъ нихъ и внѣшнимъ образомъ,

Digitized by Google

онъ даже избѣгалъ употреблять слово „элегія“ въ заглавіи своихъ стихотвореній. Эта черта авторской щепетильности тѣмъ болѣе характерна для Баратынскаго, что даже самъ жизнерадостный Пушкинъ не избѣжалъ общей моды и среди его лирическихъ произведеній найдется добрый десятокъ *элегій*, хотя, конечно, эти шедевры Пушкинской поэзіи нисколько не напоминаютъ собой „задумчивыя враки“ слабыхъ подражателей Жуковскаго и Батюшкова. Но Пушкинъ могъ пренебречь этими чертами внѣшняго сходства, такъ какъ общій духъ его свѣтлой поэзіи достаточно отличалъ его отъ меланхолическихъ элегиковъ. Въ иномъ положеніи находился Баратынскій, и для него представлялось необходимымъ подчеркнуть свою полную несолидарность съ поэтами, для которыхъ „таинство печали“ служило только привычною формой для надуманныхъ изліяній и притворныхъ жалобъ. Въ этомъ Баратынскій не могъ не видѣть профанаціи искренняго, глубокаго чувства, какимъ являлась его собственная, выношенная имъ въ глубинѣ сердца, мучительная скорбь.

IV.

Познакомясь съ содержаніемъ поэзіи Баратынскаго и съ общимъ характеромъ его міросозерцанія, мы должны теперь постараться дать себѣ отчетъ въ причинахъ обусловившихъ мрачный колоритъ его философскихъ взглядовъ, психологически выяснить происхожденіе его пессимизма. Путеводную нить въ данномъ вопросѣ находимъ мы у самого Баратынскаго, какъ въ нѣкоторыхъ характерныхъ стихотвореніяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ разбросанныхъ въ его письмахъ и прозаическихъ статьяхъ. Обыкновенно пытаются поставить отпечатокъ безнадежной грусти, лежащій на всей поэзіи Баратынскаго, въ связь съ неблагопріятными обстоятельствами его отрочества и юности, объяснить его какъ естественное слѣдствіе раннихъ страданій, не въ мѣру строгаго наказанія за его проступокъ, долгаго полуневольнаго изгнанія въ мрачной Финляндіи. Мы не можемъ, однако, согласиться съ этимъ взглядомъ уже потому, что въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи жизнь поэта проходила при самыхъ лучшихъ условіяхъ. Поэтому основной причины его мрачнаго настроенія и его безотрадныхъ взглядовъ на людей и на жизнь должно искать не въ печальныхъ обстоятельствахъ его ранней молодости, которыя могли только усугубить это настроеніе, а не создать его: причина эта лежитъ гораздо глубже и находится въ непосредственной зависимости отъ его психической организаціи.

Въ началѣ своей статьи мы опредѣлили Баратынскаго какъ *поэта мысли*. Попытаемся точнѣе выяснить смыслъ этого опредѣленія.

Digitized by Google

Психологія различаетъ три основныхъ элемента такъ-называемаго психическаго спектра: умъ, чувство и волю. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ не существуетъ обособленно, не имѣетъ реальнаго бытія, но является только отвлеченною категоріей подъ которую подводятся опредѣленные факты психической жизни. Однако, въ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка наблюдается обыкновенно болѣе или менѣе ясно выраженное преобладаніе какой-нибудь одной категоріи явленій: у одного сильное развитіе воли, при ограниченной интенсивности умственной жизни; у другого чрезвычайно развитая общая чувствительность, при слабой волевой реакціи; у третьяго, напротивъ, запасъ психической энергіи расходуется преимущественно на процесы умственной работы, на работу отвлеченной мысли, и т. д. Съ этой точки зрѣнія душа человѣка находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, хотя неустойчивость эта не всегда бываетъ ясно выражена, вслѣдствіе чрезвычайной сложности психическихъ процессовъ. Однако, есть нѣкоторый предѣлъ, за которымъ неуравновѣшенность психическихъ элементовъ становится, такъ сказать, видимою и доступною анализу.

Если полная душевная уравновѣшенность встрѣчается довольно рѣдко, то еще рѣже имѣемъ мы возможность наблюдать всестороннее гармоническое развитіе всѣхъ элементовъ психическаго спектра въ ихъ высшемъ, возможномъ выраженіи; а такіе геніальные счастливцы, какъ Гёте, какъ нашъ Пушкинъ, могущіе служить идеаломъ душевнаго здоровья и гармоніи, представляютъ собой совершенно исключительное явленіе.

Нѣсколько чаще встрѣчаются уравновѣшенныя натуры среди людей среднихъ, среди будничныхъ обитателей нашей планеты. Что же касается людей, стоящихъ выше средняго уровня и одаренныхъ тонкоразвитою нервною организаціей, то у нихъ обыкновенно замѣчается преобладаніе какого-либо изъ психическихъ элементовъ, чѣмъ обусловливается извѣстная душевная неуравновѣшенность, становящаяся для нихъ источникомъ страданія, вносящая разладъ въ ихъ внутреннюю жизнь и отражающаяся на общемъ строѣ ихъ міросозерцанія. Такъ у Руссо мы видимъ болѣзненное развитіе чувствительности, при инертности волевой жизни; у Байрона, наоборотъ, чрезмѣрное преобладаніе воли, не находящей себѣ объектовъ приложенія и заставляющей его страдать отъ избытка внутренней активности; у Леопарди же и у Баратынскаго преобладающею является дѣятельность отвлеченнаго и обобщающаго ума, съ ясно выраженною склонностію къ анализу.

Эта особенность психическаго склада поэта не ускользнула отъ проницательнаго взгляда нѣкоторыхъ изъ его современниковъ. Такъ, напримѣръ, князь Вяземскій, лично знавшій Баратынскаго, слѣдую-

Digitized by Google

щимъ образомъ характеризуетъ его: „Едва ли можно было встрѣтить человѣка умнѣе его, но умъ его не выбивался наружу съ шумомъ и обиліемъ. Нужно было допрашивать, такъ сказать, буравить этотъ подспудный родникъ, чтобы добыть изъ него чистую и свѣтлую струю. Но за то попытка и трудъ были богато вознаграждаемы. Умъ его былъ преимущественно способенъ къ разбору и анализу“ [2]).

Бѣлинскій писалъ о немъ: „Изо всѣхъ поэтовъ, появившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ Баратынскому. Несмотря на его вражду къ мысли, онъ по натурѣ своей призванъ быть поэтомъ мысли. Такое противорѣчіе понятно: кто не мыслитель по натурѣ, тотъ о мысли и не хлопочетъ“ [3]). Въ другомъ мѣстѣ выражаетъ убѣжденіе что „элегическій тонъ поэзіи Баратынскаго происходитъ отъ *думы*, отъ взгляда на жизнь“ [4]). Самъ Баратынскій точно такъ же отлично сознавалъ это преобладаніе рефлексіи въ своей натурѣ и справедливо видѣлъ въ ней источникъ своего безотраднаго настроенія. Когда ему было еще только 16 лѣтъ, онъ въ одномъ письмѣ къ матери, весьма цѣнномъ для его характеристики, писалъ о себѣ: „la passion de raisonner n'est pas l'un de mes petits défauts et je ne pense pas à m'en corriger“. То, что онъ здѣсь скромно называетъ своимъ резонерствомъ, на самомъ дѣлѣ было присущею его натурѣ склонностію къ анализу, къ рефлексіи, настоятельною потребностію его ума искать повсюду ясности, прозрачности, во всемъ давать себѣ строгій отчетъ, стремленіе — всю дѣйствительность сдѣлать „удобомыслимою“. У Баратынскаго былъ сильный, вдумчивый умъ, не охотно останавливавшійся на полдорогѣ и стремившійся въ одно и то же время *понять* каждое отдѣльное явленіе, и *обнять* всю ихъ совокупность. Для такого ума все непонятное, не соотвѣтствующее извѣстнымъ сложившимся убѣжденіямъ, служитъ источникомъ настоящаго и весьма сильнаго страданія, ощущается имъ какъ нѣчто не должное, незаконное, какъ какая-то „злая воля“, нарушающая роковымъ образомъ стройный порядокъ идеальныхъ построеній. Мы знаемъ, однакоже, какъ много встрѣчается въ жизни непонятнаго, основаннаго на слѣпомъ инстинктѣ, и какъ мало удовлетворяетъ дѣйствительность тѣмъ идеальнымъ требованіямъ, которыя предъявляютъ къ ней разумъ и сердце. Поэтому человѣкъ, пытающійся при помощи чисто разсудочнаго анализа проникнуть въ глубину живой дѣйствительности, пытающійся во что бы то ни стало осмыслить ее, рискуетъ утратить способность относиться къ жизни съ тою непосредственностію, которая служитъ лучшимъ залогомъ

---

[2]) Сочиненія кн. Вяземскаго, т. VII, 290.

[3]) Бѣлинскій, Сочиненія, VI, 313.

[4]) Ibid., стр. 295.

Digitized by Google

счастія. Чѣмъ „разсудочнѣе“ человѣкъ, чѣмъ больше требуетъ онъ логики отъ дѣйствительности и чѣмъ интенсивнѣе его собственная логическая дѣятельность, тѣмъ сильнѣе будетъ онъ чувствовать „противорѣчія бытія“ и тѣмъ сильнѣе будетъ онъ страдать отъ сознанія этихъ противорѣчій. Это интеллектуальное страданіе явится для такого человѣка настоящимъ *горемъ отъ ума*, и мы едва ли ошибемся если этою же формулой опредѣлимъ и источникъ пессимизма Баратынскаго.

Истина, согласно обычному опредѣленію, заключается въ соотвѣтствіи идеи съ дѣйствительностію; правильнѣе однакоже было бы сказать, что она состоитъ именно въ несоотвѣтствіи ихъ другъ другу, такъ какъ конкретныя явленія, совокупность которыхъ образуетъ все реальное содержаніе нашего опыта, никогда не вкладываются безъ остатка въ рамки отвлеченнаго понятія. Поэтому человѣкъ, склонный мыслить дедуктивно, т. е. исходя изъ отвлеченнаго понятія о томъ, что̀ должно быть, неминуемо испытываетъ чувство разочарованія, видя что дѣйствительность вовсе не соотвѣтствуетъ его ожиданіямъ, и это разочарованіе, въ свою очередь, становится для него источникомъ весьма реальнаго страданія.

Въ такомъ именно положеніи находился и Баратынскій; онъ былъ поэтомъ-мыслителемъ, съ аналитическимъ складомъ ума, и не только ясно сознавалъ эту особенность своей душевной организаціи, но даже считалъ ее необходимою чертой въ характерѣ каждаго писателя. Въ одномъ изъ писемъ къ Ивану Кирѣевскому, недавно опубликованныхъ С. А. Рачинскимъ, онъ говоритъ:

Всякій писатель мыслитъ, слѣдственно, всякій писатель, даже безъ собственнаго сознанія,—философъ. Пусть же въ его твореніяхъ отразится собственная его философія, а не чужая. Мы родились въ вѣкъ эклектическій: ежели мы будемъ вѣрны нашему чувству, эклектическая философія должна отразиться въ нашихъ твореніяхъ; но старые образцы могутъ насъ сбить съ толку, и я указываю на современную философію для современныхъ произведеній, какъ на магнитную стрѣлку, могущую служить путеводителемъ въ нашихъ литературныхъ поискахъ [5]).

Однако, самъ Баратынскій уклонился отъ преподаннаго имъ совѣта въ томъ отношеніи, что въ произведеніяхъ его нашла себѣ отраженіе не „эклектическая“ философія, подъ которой онъ повидимому подразумѣвалъ систему Кузена, а мрачная философія міровой скорби, наложившая свой отпечатокъ на все его художественное творчество.

Пессимизмъ въ своей законченной формѣ заключается въ признаніи, что жизнь есть зло; въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, онъ

---

[5]) Татевскій сборникъ. С. А. Рачинскаго. Спб. 1899 г., стр. 14.

Digitized by Google

состоитъ въ отрицаніи возможности счастія. Мы уже познакомились со взглядами Баратынскаго на счастіе; остается только выяснить происхожденіе этихъ взглядовъ, въ зависимости отъ особенностей его душевной организаціи.

Въ приведенномъ выше юношескомъ письмѣ къ матери Баратынскій высказываетъ, между прочимъ, слѣдующія мысли по данному вопросу: „Le bonheur ne serait-il pas par hasard une certaine combinaison d'idées, qui nous rend incapable de penser à autre chose, qu'à ce qui remplit notre coeur, qui serait rempli de manière *qu'il ne puisse pas réfléchir à ce qu'il sent?* L'insouciance ne serait-elle pas encore le bonheur?“ Такимъ образомъ уже здѣсь ясно выражена мысль, что счастіе возможно или вѣроятно только при отсутствіи рефлексіи, мысль которая впослѣдствіи получила въ произведеніяхъ Баратынскаго свое дальнѣйшее развитіе. Дѣятельность разума подняла человѣка на невѣдомую доселѣ высоту, дала ему возможность управлять силами природы, но въ то же время она открыла ему глаза на всѣ противорѣчія дѣйствительности и лишила его тѣхъ благодѣтельныхъ иллюзій, которыми до тѣхъ поръ питалось его воображеніе. Поэтому настоящее счастіе возможно только при условіи „забвенія мысли“, спасающаго человѣка отъ раздвоенія между разсудкомъ и чувствомъ и дающаго ему возможность слиться во-едино съ безсознательною жизнію природы.

Весна, весна! Какъ высоко
  На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
  Летаютъ облака!
Шумятъ ручьи! блестятъ ручьи!
  Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
  Поднятый ею ледъ!
Подъ солнце самое взвился
  И въ яркой вышинѣ,
Незримый, жаворонокъ поетъ
  Заздравный гимнъ веснѣ.
Что̀ съ нею, что̀ съ моей душой?
  Съ ручьемъ она ручей,
И съ птичкой птичка! Съ нимъ журчитъ,
  Летаетъ въ небѣ съ ней!
Зачѣмъ такъ радуетъ ее
  И солнце, и весна?
Ликуетъ ли, *какъ дочь стихій*,
  На пирѣ ихъ она?
Что̀ нужды! *Счастливъ кто на немъ*
  Забвенье мысли пьетъ,
Кого далеко отъ нея
  Онъ дивно унесетъ!

Digitized by Google

Отсюда дальнѣйшій логическій шагъ къ признанію, что дѣятельность разума вообще несовмѣстима со счастіемъ, что строгая истина, добываемая этой дѣятельностію, не соотвѣтствуетъ слабымъ силамъ человѣка, изсушаетъ и опустошаетъ его душу. И Баратынскій не усомнился съ логическою неустрашимостію сдѣлать этотъ послѣдній, крайній выводъ изъ своихъ предпосылокъ, и это внесло въ его міросозерцаніе ту черту, которую Бѣлинскій назвалъ „враждою къ мысли". Но для того чтобы вполнѣ уяснить себѣ смыслъ и значеніе этой „вражды къ мысли", намъ слѣдуетъ еще, помимо анализа его личныхъ психическихъ особенностей, обратиться къ разсмотрѣнію одной общей характерной черты той эпохи, къ которой принадлежалъ поэтъ. Эти дополнительныя соображенія дадутъ намъ возможность опредѣлить значеніе Баратынскаго, какъ представителя извѣстнаго умственнаго теченія и полнѣе объяснить характеръ его поэзіи изъ совокупнаго дѣйствія двухъ факторовъ: одного—индивидуально-психологическаго, другого—обще-историческаго.

И Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Баратынскій принадлежали къ поколѣнію, которое само называло себя „романтиками", и нужно признать, что оно имѣло на это нѣкоторое право, не смотря на смутное понятіе *о романтизмѣ* и на существенныя индивидуальныя различія между названными поэтами. Въ очень общей формѣ романтизмъ можно опредѣлить, какъ реакцію противъ односторонняго раціонализма XVIII вѣка; въ такомъ случаѣ родоначальника этого движенія можно видѣть въ Руссо, впервые указавшемъ на *чувство*, какъ на необходимый коррективъ къ отвлеченной дѣятельности разума.

Отсюда красною нитью тянется черезъ всю романтическую литературу, въ качествѣ ея наиболѣе общаго признака, неизмѣнное противопоставленіе живой непосредственности чувства холодной и сухой разсудочности. Чтобъ ограничиться только русскими авторами, укажемъ, напр., на Пушкина, поэта совершенно чуждаго крайностей романтической школы и являющагося въ качествѣ бытописателя русской жизни родоначальникомъ реалистическаго направленія въ нашей литературѣ. А между тѣмъ и у него встрѣчаемся мы съ указаннымъ противоположеніемъ, которое проходитъ почти черезъ всѣ его поэмы (Черкешенка и Плѣнникъ, Цыгане и Алеко, Татьяна и Онѣгинъ, Моцартъ и Сальери) и сказывается также и въ его лирическихъ стихахъ: намъ кажется, что съ этой точки зрѣнія получаетъ должное освѣщеніе и его знаменитое стихотвореніе „Чернь", возбудившее столько споровъ и такъ ложно перетолкованное; именно въ „поэтѣ" изображена, на нашъ взглядъ, натура непосредственная, каковъ былъ самъ Пушкинъ, способная къ увлеченію, къ высокимъ порывамъ, къ беззавѣтному служенію идеѣ, въ противоположность хо-

Digitized by Google

лодно-разсудочной, эгоистически разсчетливой „толпѣ“, неспособной ни къ какому великодушному увлеченію, не признающей ничего выше непосредственно полезнаго, „безстыдной, злой, неблагодарной“, той самой „толпѣ“, „свѣтской черни“, которая рукою Дантеса сразила клеймившаго ее своимъ презрѣніемъ „поэта“ [6]).

Эту же черту, въ нѣсколько иной формѣ, находимъ мы и у Лермонтова, жалующагося на то, что „мы изсушили умъ наукою безплодной“, т. е. холоднымъ, разсудочнымъ анализомъ, заглушивъ въ себѣ „голосъ благородный невѣріемъ осмѣянныхъ страстей“, голосъ непосредственнаго чувства. Послѣ этихъ литературныхъ справокъ для насъ будетъ болѣе понятенъ и смыслъ аналогичныхъ мыслей, съ которыми встрѣчаемся мы въ поэзіи Баратынскаго. Разница заключается только въ томъ, что, сообразно индивидуальному складу ума Баратынскаго, замѣченная нами характерная черта писателей эпохи романтизма является у него въ нѣсколько иной, болѣе отвлеченной формѣ. Поэтъ говоритъ не о холодной разсудочности толпы, въ противоположность непосредственнымъ внушеніямъ великодушнаго сердца,—онъ даетъ своимъ взглядамъ болѣе общее выраженіе и говоритъ о „мысли“, объ „истинѣ“, объ ихъ значеніи въ жизни человѣка,—и прежде всего объ ихъ значеніи для поэзіи.

Сравнивая свое положеніе, какъ художника слова, съ положеніемъ представителей другихъ искусствъ, онъ видитъ отличительный признакъ поэзіи въ преобладаніи идейнаго элемента надъ элементами непосредственнаго, чувственнаго эстетическаго наслажденія, какое даетъ гармонія линій, красокъ и звуковъ; этотъ идейный элементъ даетъ толчокъ къ рефлексіи, къ аналитической работѣ мысли, слѣдовательно, не даетъ погрузиться вполнѣ въ созерцаніе красоты и лишаетъ художественное наслажденіе его непосредственности.

Все мысль да мысль! Художникъ бѣдный слова!
О, жрецъ ея, тебѣ забвенья нѣтъ.
. . . . . .
Рѣзецъ, органъ, кисть! Счастливъ, кто влекомъ
Къ нимъ, чувственнымъ, за грань ихъ не ступая!
Есть хмель ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечомъ,
Мысль, острый лучъ! блѣднѣетъ жизнь земная.

---

[6]) Въ подтвержденіе нашей мысли укажемъ на тотъ фактъ, что среди Пушкинскихъ бумагъ, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, находится, между прочимъ, и списокъ указаннаго стихотворенія, на которомъ заглавіе „Чернь“ зачеркнуто и рукою Пушкина надписано сверху: „Поэтъ и толпа“; это новое заглавіе, конечно, является болѣе удачнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ содержанію, чѣмъ прежнее. (См. книгу Незеленова: „Шесть статей о Пушкинѣ“. Спб. 1892 г., стр. 80).

Digitized by Google

V.

Въ предыдущемъ мы старались показать, что пессимизмъ Баратынскаго чисто головнаго происхожденія, что его общее мрачное настроеніе есть настоящее „горе отъ ума“ и что чрезмѣрное преобладаніе въ его психической жизни интелектуальныхъ процессовъ повлекло за собою нарушеніе душевнаго равновѣсія, стало причиной его внутренняго разлада. Но эта психологическая причина разлада, какъ мы видѣли, не могла укрыться отъ проницательнаго взгляда самого Баратынскаго, отъ его тонкаго аналитическаго ума.

А разъ открывши внутренній источникъ *своего*, *личнаго*, страданія, онъ въ силу естественной ошибки сталъ *обобщать* этотъ фактъ личнаго опыта и пришелъ къ парадоксальному выводу, что все несчастіе человѣчества проистекло отъ того, что оно потеряло первобытную непосредственность и, довѣрясь голосу безстрастнаго разсудка, навсегда утратило способность къ счастію. Мы указали также и на то, въ какой мѣрѣ современныя теченія европейской мысли благопріятствовали такой постановкѣ вопроса, и въ какой формѣ характерное для романтизма противоположеніе разума и чувства нашло себѣ отраженіе въ поэзіи Баратынскаго.

Баратынскій видитъ въ дѣятельности разума главный источникъ внутренняго страданія, на которое обреченъ мыслящій человѣкъ, и находитъ, что именно благодаря ему рушилась необходимая связь между человѣкомъ и стихійною силой природы. Въ стихотвореніи „Примѣты“ онъ говоритъ:

Пока человѣкъ естества не пыталъ
  Горниломъ, вѣсами и мѣрой,
Но дѣтски вѣщаньямъ природы внималъ,
  Ловилъ ея знаменья съ вѣрой;
Покуда природу любилъ онъ, она
  Любовью ему отвѣчала...
. . . . . .
Въ пустынѣ безплодной онъ не былъ одинъ:
  Не чуждая жизнь въ ней дышала,
Но *чувство презрѣвъ онъ довѣрилъ уму*,
  Вдался въ суету изысканій,
И сердце природы закрылось ему,
  И нѣтъ на землѣ прорицаній!

Итакъ разумъ не только не сдѣлалъ человѣка счастливымъ, но осудилъ его на новыя страданія среди „равнодушной“ природы. Огонь,

Digitized by Google

похищенный съ небесъ Прометеемъ, озарилъ только роковыя „противорѣчія бытія“, лишивъ человѣка его отрадныхъ заблужденій и развѣнчавъ передъ нимъ „насъ возвышающій обманъ“. Такимъ образомъ человѣчество потеряло свою лучшую опору въ жизни, утратило существенное условіе счастія. Въ одномъ письмѣ къ своему другу Н. В. Путятѣ Баратынскій говоритъ: „Заблужденія нераздѣльны съ человѣчествомъ и иныя изъ нихъ дѣлаютъ больше чести нашему сердцу, нежели преждевременное понятіе о нѣкоторыхъ истинахъ“.

О, человѣкъ! увѣрься наконецъ:
Не для тебя ни мудрость, ни всезнанье!
Намъ надобны и страсти, и мечты,
Въ нихъ бытія условіе и пища...

Ту же мысль находимъ мы и въ небольшой статьѣ теоретическаго характера: *О заблужденіяхъ и истинѣ*, написанной еще въ 1821 году. Баратынскій говоритъ здѣсь, конечно, не о математическихъ истинахъ и не объ истинахъ Откровенія, а о тѣхъ, которыя лежатъ въ основѣ нашихъ взглядовъ на жизнь и опредѣляютъ наши практическія отношенія, и приходитъ къ тому заключенію, что истины этого порядка вполнѣ относительны, такъ какъ извлекаются нами изъ жизненнаго опыта, носящаго характеръ случайности, и зависятъ въ значительной степени отъ темперамента, характера, возраста и умственнаго склада каждаго человѣка. „Положимъ, говоритъ онъ,— что вы имѣли одни только горестные опыты; что въ дѣтствѣ вы зависѣли отъ своенравнаго наставника; что въ юности вамъ измѣнила любовница, измѣнилъ другъ, измѣнили надежды; что въ старости вы остались одинокимъ и печальнымъ. Какъ вы опишете жизнь? Дѣтство будетъ для васъ временемъ рабства и безсилія; юность—временемъ мятежныхъ сновъ и безумныхъ желаній; старость—торжественнымъ срокомъ, когда является истина и съ насмѣшкой погашаетъ свѣчу въ китайскомъ фонарѣ воображенія.“

При другихъ условіяхъ жизненнаго опыта, возраста, характера и взглядъ на жизнь будетъ другой, можетъ-быть даже прямо противоположный. Но въ такомъ случаѣ, какое же общее значеніе могутъ имѣть эти взгляды, которые сами мы считаемъ истинными? И гдѣ ручательство, что эти „истины“ болѣе соотвѣтствуютъ нашимъ внутреннимъ потребностямъ, чѣмъ то, что мы называемъ заблужденіями? „Истина (ежели въ самомъ дѣлѣ есть какое-то отвлеченное благо, которое мы называемъ истиной) не должна ли быть нѣкоторымъ верховнымъ наслажденіемъ, способнымъ замѣнить намъ всѣ прочія мечтательныя, или лучше сказать, недостаточныя наслажденія? Но мы видимъ совершенно противное. Мы теряемъ, удостовѣряясь въ томъ,

Digitized by Google

что привыкли называть истиной; мы уважаемъ аксіомы опыта, и между тѣмъ часто сожалѣемъ о прелестныхъ заблужденіяхъ, которыя нѣкогда составляли наше счастіе".

Такимъ образомъ молодой философъ ставитъ здѣсь вопросъ о *смыслѣ истины* и приходитъ къ крайне пессимистическому выводу относительно ея дѣйствительной цѣнности для жизни и счастія человѣка, къ выводу, что послѣднее вовсе не совмѣстимо съ познаніемъ истины. Въ образной формѣ мысль эта выражена въ извѣстномъ стихотвореніи Баратынскаго, въ которомъ *Истина*, олицетворенная въ видѣ прекрасной женщины, вступаетъ въ бесѣду съ поэтомъ, жалующимся на то, что онъ „счастьемъ бѣденъ, о счастіи съ младенчества тоскуя". *Истина* говоритъ ему:

Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала): Захочу—
И, страстнаго, отрадному безстрастью.
Тебя я научу.
Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ-быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.
Я бытія всѣ прелести разрушу;
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой.

Однако, покой этотъ не прельщаетъ поэта: ему жаль своихъ мечтаній, волненій и надеждъ, онъ боится „суроваго хлада" истины и не довѣряетъ ея „отрадному безстрастью"... И вотъ что говоритъ онъ въ отвѣтъ этой „гостьѣ роковой":

Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ,—увы!—могилы миръ печальный
И страшенъ для живыхъ.
Нѣтъ, я не твой! Въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ своей дорогой
Одинъ я побреду!..

Но характерно для Баратынскаго окончаніе этого стихотворенія. Признавъ, что истина несовмѣстима для него со счастіемъ и рѣшившись отказаться отъ нея ради сохраненія своихъ излюбленныхъ мечтаній, онъ, однако же, не въ состояніи окончательно побороть въ себѣ жажду познанія и въ послѣднюю минуту дѣлаетъ невольно уступку требо-

Digitized by Google

ваніямъ своего разума. „Прости!“ говоритъ онъ *Истинѣ*, но тотчасъ же прибавляетъ, словно не будучи въ силахъ навсегда разстаться съ нею:

...иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все что̀ сердцу мило
Забыть придется мнѣ,
Явись тогда! раскрой тогда мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти,
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.

Такимъ образомъ поэтъ все-таки не рѣшается вполнѣ отказаться отъ своей нужды познанія, жажды истины, не можетъ отказаться отъ надежды сорвать, наконецъ, покровъ съ Саисской статуи, даже подъ опасеніемъ увидать подъ нимъ мертвый скелетъ. Его „вражда къ мысли“, вражда къ истинѣ, вовсе не абсолютна; онъ считаетъ только, что познаніе ея не дѣлаетъ человѣка лучше и счастливѣй и даже становится для него источникомъ страданія. Баратынскій въ данномъ случаѣ лишь повторилъ, хотя и въ другой формѣ, знаменитый парадоксъ Руссо о вредѣ наукъ съ тою, однако, существенною разницей, что идеализація первобытнаго состоянія соединялась у женевскаго философа съ соціальнымъ протестомъ, котораго, конечно, нѣтъ у русскаго поэта.

Здѣсь не мѣсто опровергать этотъ взглядъ, по существу своему ложный, такъ какъ онъ основанъ на исторической фикціи. Для нашей цѣли достаточно было указать на совпаденіе нѣкоторыхъ характерныхъ идей Баратынскаго съ опредѣленнымъ настроеніемъ его времени. Мысль Баратынскаго, несмотря на ея сильный индивидуальный отпечатокъ, двигалась въ руслѣ общаго умственнаго теченія, лозунгомъ котораго было: довѣряй болѣе сердцу, чѣмъ уму. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ человѣческаго знанія, его завоеванія въ области мысли и практическихъ приложеній казались ненужными и вредными для благоденствія рода человѣческаго, такъ какъ лишали его той *непосредственности*, той „невинности“, безъ которой для него невозможно счастіе. „Знанія развратили людей, лишили ихъ внутренней устойчивости, сдѣлали ихъ несчастными, золотой вѣкъ лежитъ позади насъ“, говорили мыслители этого направленія, начиная съ Руссо, и отправлялись на поиски за потеряннымъ раемъ... въ пещеры доисторическихъ троглодитовъ или въ за́мки-тюрьмы средневѣковыхъ рыцарей-разбойниковъ. За идеализаціей первобытнаго состоянія у Руссо, слѣдовала идеализація Среднихъ Вѣковъ у нѣмецкихъ романтиковъ; между ними, конечно, не было преемствен-

Digitized by Google

ной *связи идей*, но была, несомнѣнно, извѣстная *связь настроенія*, того же самого настроенія, которое въ иной формѣ нашло себѣ выраженіе въ поэзіи Баратынскаго.

Ранѣе мы отмѣтили и у Пушкина одну характерную черту этого романтическаго (въ широкомъ смыслѣ слова) движенія, которая выражается у него въ сознательномъ или безсознательномъ противоположеніи чувства и разума, въ образѣ двухъ сталкивающихся натуръ: непосредственной и разсудочной. Мы указали тогда, что съ этой точки зрѣнія получаетъ новое освѣщеніе и его знаменитое стихотвореніе „Чернь", во многихъ отношеніяхъ ложно понимаемое. Теперь намъ остается указать на одну аналогичную вещь Баратынскаго, которая для него самого имѣла роковое значеніе: мы говоримъ объ его стихотвореніи „Послѣдній поэтъ".

Здѣсь, какъ и у Пушкина, изображенъ разладъ между „поэтомъ" и „толпой", между непосредственностію чувства, способнаго къ высокимъ идеальнымъ порывамъ, и разсчетливою и холодною разсудочностію. Два міра стоятъ здѣсь другъ противъ друга, полные взаимной вражды и непониманія. Поэтъ и не пытается согласовать какъ-нибудь ихъ взгляды и требованія, привести ихъ къ примиренію: онъ чуждъ всякихъ компромиссовъ и самъ становится рѣшительно на сторону чувства, въ его спорѣ съ разумомъ. Но у Пушкина *поэтъ*, враждуя съ *толпой*, ограничивается тѣмъ, что уходитъ съ „торжища", удаляется въ область идеала, недоступную и невѣдомую „толпѣ", онъ находитъ себѣ успокоеніе въ творческой работѣ, въ надеждѣ, что наступитъ когда-нибудь моментъ, когда и толпа придетъ поклониться „кумиру Бельведерскому", сознавъ, наконецъ, великую важность, великую *полезность* идеала для полноты духовной жизни человѣка.

Этого успокоенія, этой надежды для Баратынскаго не существуетъ. Краски у него сгущены, общее настроеніе мрачно и безнадежно. Впереди онъ не видитъ ничего отраднаго. Въ стихотвореніи „Послѣдній поэтъ" Баратынскій переносится мыслію въ эпоху, когда одностороннее развитіе ума совершенно изсушило сердце человѣка, лишило его теплоты и отзывчивости. Вѣкъ увлеченій, вѣкъ фантазіи миновалъ; наступаетъ время трезвой будничной прозы. Голосъ чувства замолкъ, подчинясь голосу холодной разсудочности. „Толпа", олицетворяющая эту разсудочность, торжествуетъ. Поэзія изгнана и осмѣяна, и съ нею все то что̀ стоитъ выше непосредственной пользы:

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часъ отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отчетливѣй, безстыднѣй занята.

Digitized by Google

Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенья
Поэзій ребяческіе сны,
И не о ней хлопочутъ поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы.

И вотъ среди этихъ „промышленныхъ“ поколѣній, среди „зимы дряхлѣющаго міра“, является *поэтъ*, „послѣдній сынъ аттической природы“, идеалистъ и мечтатель. Понятно, какимъ рѣзкимъ диссонансомъ долженъ звучать его голосъ среди криковъ „торжествующей толпы“.

Воспѣваетъ *простодушный*
Онъ любовь и красоту,
И науки, имъ ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетныя страданья
Легкомысліемъ цѣля,
Лучше, смертный, въ дни незнанья
Радость чувствуетъ земля!
Поклонникамъ Ураніи холодной
Поетъ,—увы!—онъ *благодать страстей*:
Какъ пажити Эолъ бурнопогодный,
Плодотворятъ онъ сердца людей;
Живительнымъ дыханьемъ развита,
Фантазія подъемлется отъ нихъ,
Какъ нѣкогда возникла Афродита
Изъ пѣнистой пучины водъ морскихъ.
И зачѣмъ не предадимся
Снамъ улыбчивымъ своимъ?
Гордымъ сердцемъ покоримся
Думамъ робкимъ, а не имъ!
Вѣрьте сладкимъ убѣжденьямъ
Васъ ласкающихъ очесъ
И отраднымъ увѣреньямъ
Сострадательныхъ небесъ!

„Суровый смѣхъ ему отвѣтомъ“, тотъ самый „смѣхъ толпы холодной“, который преслѣдовалъ и Пушкинскаго *поэта*. Ему бросаютъ въ лицо тотъ же самый сердитый упрекъ: „какъ вѣтеръ пѣснь его свободна, за то какъ вѣтеръ и безплодна — какая польза намъ отъ ней“? Погруженная въ будничныя заботы и разчеты „толпа“ слишкомъ слѣпа, для того чтобы видѣть великую пользу красоты и благодѣтельныхъ настроеній, которыя она возбуждаетъ. Она осмѣиваетъ и гонитъ прочь поэта, какъ ненужнаго и страннаго чудака, или даже какъ завѣдомаго обманщика: „Онъ лжецъ: наплюемъ на него!..“ Оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ,

Digitized by Google

поэтъ бѣжитъ отъ людей, ищетъ уйти отъ ихъ насмѣшекъ и упрековъ, скрыться въ нѣмую глушь, въ пустыню—

Но свѣтъ
Ужь празднаго вертепа не являетъ,
И на землѣ уединенья нѣтъ!

Итакъ для „поэта“ Баратынскаго нѣтъ даже возможности уединиться, спастись отъ торжествующей вокругъ будничной прозы, со всѣхъ сторонъ врывающейся во святая-святыхъ его души. Пушкинъ говорилъ *поэту:* „ты царь: живи одинъ!“ Баратынскій не оставляетъ ему и этого исхода: для *послѣдняго поэта* нѣтъ даже „уединенія“. Остается одно: умереть. И онъ умираетъ, но умираетъ не какъ „царь“, а какъ безсильная жертва поэтическаго атавизма. Трагическое міросозерцаніе Баратынскаго, чуждое идеи примиренія, не могло, конечно, удовлетвориться другимъ исходомъ: столкновеніе его „поэта“ съ „толпою“ не могло окончиться иначе, какъ оно окончилось, т. е. трагически. Этого требовала логика его міросозерцанія.

Мы уже упоминали раньше, что разбираемое стихотвореніе сыграло въ жизни Баратынскаго роковую роль, получило значеніе цѣлаго событія. Дѣло въ томъ, что когда появился сборникъ „Сумерки“, въ которомъ оно было впервые напечатано, Бѣлинскій помѣстилъ въ *Современникѣ* критическую статью, въ которой онъ, отдавая вполнѣ дань уваженія таланту автора, ожесточенно нападалъ на его взгляды, на идейное содержаніе его книги. Бѣлинскій усмотрѣлъ въ ней проявленіе тайнаго обскурантизма; борясь всю свою жизнь за права разума съ литературными Фамусовыми и Скалозубами, онъ, къ своему глубокому негодованію, увидѣлъ въ даровитомъ и уважаемомъ имъ авторѣ ихъ неожиданнаго союзника; а нападеніе на науку, на разумъ въ эпоху, когда они и безъ того находились „подъ подозрѣніемъ“, показалось ему непростительнымъ святотатствомъ. Поэтъ не признаетъ верховенства разума, онъ называетъ науку пустою и суетною, онъ прославляетъ „дни незнанья“—этого было достаточно для того чтобы *неистовый Виссаріонъ* обрушился на него со всею силой своего гнѣва. И Бѣлинскій со своей точки зрѣнія, конечно, не могъ поступить иначе. Онъ считалъ задачею всей своей литературной дѣятельности борьбу противъ идей извѣстнаго порядка. и тамъ, гдѣ онъ подозрѣвалъ ихъ существованіе, онъ дѣйствовалъ съ безпощадною суровостію и даже терялъ способность быть безпристрастнымъ, способность весьма цѣнную для критика, но трудно достижимую для публициста. Вспомнимъ его несправедливо-презрительное отношеніе къ Бальзаку, въ

Digitized by Google

которомъ онъ видѣлъ только бытописателя салонной жизни; вспомнимъ его негодованіе на Пушкина за его стихи „Чернь“. Негодованіе это объясняется неправильнымъ толкованіемъ какое далъ Бѣлинскій словамъ поэта. Пушкинъ, очевидно, не подразумѣвалъ подъ *чернью* низшихъ, рабочихъ классовъ, „подлый народъ“, какъ говорилось въ старину: презирать сапожника за то только, что онъ сапожникъ было бы не только не умно, но и безвкусно, какъ это справедливо замѣтилъ В. С. Соловьевъ: такой пошлости Пушкинъ сдѣлать *не могъ*, и нападки Бѣлинскаго были въ данномъ случаѣ основаны на явномъ недоразумѣніи.

Такое же недоразумѣніе вызвало и горячую отповѣдь Бѣлинскаго противъ воображаемаго мракобѣсія Баратынскаго. Онъ слишкомъ буквально понялъ слова поэта и не постарался дать себѣ яснаго отчета въ томъ особомъ психическомъ настроеніи, которое обусловило характеръ и содержаніе его поэзіи. Между тѣмъ слова Баратынскаго нельзя понимать иначе, какъ образно, точно такъ же какъ нельзя понимать буквально жалобу его младшаго современника Лермонтова на то, что „мы изсушили умъ *наукою безплодной*“ (это въ тридцатые-то годы!). Лермонтовъ въ этомъ стихѣ высказалъ только ту мысль, которая составляетъ главное содержаніе всей поэзіи Баратынскаго: мысль—что одностороннее развитіе разсудочности, въ ущербъ чувству, дѣлаетъ человѣка не только черствымъ и холоднымъ, но и глубоко несчастнымъ. Ошибка Бѣлинскаго, конечно, вполнѣ понятна: въ данномъ случаѣ онъ взглянулъ на дѣло глазами публициста, а не безпристрастнаго критика, и это не позволило ему отнестись къ словамъ Баратынскаго съ должнымъ хладнокровіемъ и взвѣсить всѣ *pro* и *contra* какъ это можемъ сдѣлать мы, отдѣленные отъ этой эпохи болѣе чѣмъ полувѣкомъ. Но будучи вполнѣ понятна, ошибка эта остается тѣмъ не менѣе весьма прискорбною по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя она повлекла за собою.

Послѣдствія эти не замедлили сказаться. Статья знаменитаго и вліятельнаго критика поразила Баратынскаго какъ громомъ. Впечатлѣніе, произведенное ею на него, было такъ сильно, что поэтъ словно потерялъ подъ собою почву и пересталъ довѣрять самому себѣ. Быть-можетъ также, онъ отчаялся въ томъ, что люди его поколѣнія поймутъ его, послѣ того какъ человѣкъ съ умомъ и чуткостію Бѣлинскаго такъ несправедливо отнесся къ его выношеннымъ и выстраданнымъ въ глубинѣ души думамъ. Какъ бы то ни было, но съ этого времени Баратынскій замолкъ почти совершенно. За послѣдніе годы жизни онъ написалъ всего 7—8 стихотвореній, изъ которыхъ два имѣютъ непосредственное отношеніе къ статьѣ Бѣлинскаго. Въ одномъ изъ нихъ поэтъ съ грустною резигнаціей про-

Digitized by Google

щается со своей музою, боясь чтобъ его слова опять „не пробудили бы перуны“, дѣйствіе которыхъ онъ уже испыталъ на себѣ. Въ другомъ стихотвореніи: *На посѣвъ лѣса* онъ горько жалуется на то непониманіе, какое встрѣтило его поэтическое творчество и въ заключеніи повторяетъ вновь свой отказъ отъ продолженія своей художественной дѣятельности:

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ;
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.
Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я,
Да хрящъ другой мнѣ будетъ плодоносенъ!
И вотъ ему несетъ рука моя
Зародыши елей, дубовъ и сосенъ.,
И пусть! Простяся съ лирою моей,
Я вѣрую: *ее замѣнятъ эти*
Поэзіи таинственныхъ скорбей
Могучія и сумрачныя дѣти.

Пусть замолкнетъ его „лира“, пусть онъ умретъ, пусть умрутъ и исчезнутъ всѣ поэты,—поэзія будетъ существовать по-прежнему, величавая поэзія природы, и по-прежнему будетъ она пробуждать невольный отзвукъ въ душѣ человѣка. Но поэзія эта, полная красоты и величія, въ то же время полна „таинственныхъ скорбей“, потому что заставляетъ человѣка чувствовать свое безсиліе и свою ничтожность передъ стихійною силой природы. Пройдутъ вѣка, изгладится изъ памяти людей самое имя непризнаннаго и непонятаго поэта, но могучіе вѣковые дубы и сосны, зародыши которыхъ теперь высѣваетъ онъ, навѣютъ отдаленнымъ потомкамъ тѣ же печальныя думы, которыми питается его вдохновеніе. „Равнодушная“, *безъмысленная* природа будетъ вѣчно торжествовать свою побѣду надъ страдающею *мыслію* человѣка...

Этимъ стихотвореніемъ, можно сказать, закончилась поэтическая дѣятельность Баратынскаго: то немногое, что онъ еще писалъ, носитъ отпечатокъ случайности и для него не характерно. Мы старались прослѣдить эту дѣятельность въ ея наиболѣе рельефныхъ проявленіяхъ, разсматривая поэзію Баратынскаго, съ одной стороны, какъ продуктъ индивидуальнаго психическаго склада, а съ другой—какъ выраженіе общаго настроенія эпохи. Со стороны *содержанія* поэзія Баратынскаго до сихъ поръ не только не утратила своего интереса, но даже все еще цѣнится ниже своего дѣйствительнаго значенія. Быть-можетъ, это объясняется отчасти тѣмъ что со стороны своей *формы*, по стилю, по языку, она представляетъ собой

Digitized by Google

„вчерашній день“ русской литературы, такъ что въ этомъ отношеніи Баратынскій рѣшительно уступаетъ современнику своему Лермонтову. Но идеи, которыя лежатъ въ основѣ его поэзіи, и въ настоящее время живутъ въ сознаніи русскаго общества. Мы встрѣчаемся съ ними, хотя и въ иной формѣ и выраженіи, въ произведеніяхъ Тургенева („Стихотворенія въ прозѣ“, „Довольно“ и др.), въ поэмахъ Голенищева-Кутузова и даже въ проповѣди Толстаго (вспомнимъ, напр., его отношеніе къ наукѣ). Съ этими идеями можно не соглашаться, съ ними можно бороться, но игнорировать ихъ нельзя, поэтому намъ казалось отнюдь не лишнимъ остановиться подробнѣе на взглядахъ поэта, который въ тридцатыхъ годахъ умѣлъ быть нашимъ современникомъ и основное настроеніе котораго и теперь еще всѣмъ намъ знакомо и понятно.

Digitized by Google

Digitized by Google

2001 73

Digitized by Google

Того же автора:

Стихотвореніе (1891—1898). Москва, 1898 г. Цѣна 1 руб.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C047151617

Digitized by Google

Digitized by Google